

УДК 81: 159. 922.1

Л.А. Кремер

О ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ГЕНДЕРА

В последнее время в лингвистических исследованиях отмечается всё возрастающий интерес к феномену гендера. Работы подобного рода основаны на стереотипных представлениях о специфике проявления мужского и женского в языке, а также на наличии гендерной асимметрии, то есть непропорциональной репрезентации социальных и культурных ролей обоих полов в различных сферах жизни. В данной статье представлен краткий обзор ряда теорий лингвогендерологического характера и экспериментов немецкоязычных представителей современной феминистически ориентированной лингвистики.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, язык, феминистическая лингвистика, «мужской» и «женский» языки.

На протяжении многих лет классическими науками, занимающимися языком и интерпретирующими язык, являлись, главным образом, литературоведческие науки, теология и правоведение [11. S. 220]. В русле указанных направлений учёные поднимали проблему взаимоотношения языка и действительности и пытались выяснить, репрезентирует ли язык, будучи человеческой характеристикой, реальность или «создаёт» её. Позднее, после так называемого лингвистического поворота (*linguistic turn*), к ним присоединились философия и современное языкознание (лингвистика).

Значительный вклад в популярность и по сей день продолжающуюся актуальность гендера в языкознании внёс Я. Гримм (Jacob Grimm) при обращении к роду как языковой категории, тем самым доказав взаимосвязь языка и действительности. Немецкий лингвист пытается определить суть различий мужского, женского и среднего родов в виде следующей метафоры: «*Das masculinum scheint das größere, festere, sprödere, raschere, das thätige, bewegliche, zeugende, das femininum das spätere, kleinere, weichere, stillere, das leidende, empfangende; das neutrum das erzeugte, gewirkte, generelle, unentwickelte, collective*» [5. S. 354].

Позднее данная гипотеза была опровергнута в связи с открытием языков, в которых категория рода отсутствует [26. С. 32]. Тем не менее, многие учёные продолжали обращаться к грамматике как разделу языкознания для подтверждения факта отражения гендерной специфики в языке (см.: [9; 12; 14]), нередко трактуя эту проблему в духе Я. Гримма [10].

Впоследствии, в 20 веке, вопрос о взаимосвязи языка и действительности приобрёл новое звучание в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа, предполагающей, что языковая структура может влиять на мировосприятие и мировоззрение носителей данного языка [25]. В современной лингвистике продолжают философские дискуссии о роли языка в рамках триады «субъект – действительность – мышление» [6; 15; 21].

Наряду с сопоставлением гендера и грамматики феномен гендера также исследуется во взаимосвязи с риторикой как одним из разделов в языкознании. Так, например, одним из первых импульсов в исследованиях немецких учёных в данном направлении можно считать «Тезисы феминистической риторики» («*Thesen zu einer feministischen Rhetorik*») Р. Венске (Regula Venske), опубликованные в середине 80-х годов [см.: 24]. В 90-е годы Г. Шёнталь (Gisela Schönthal) опубликовала книгу по женской риторике «*Feministische Linguistik – linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. (Germanistische Linguistik)*» [17], а также статью «*Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik*» [18].

Следует отметить, что рассмотрение особенностей процесса женского речевого поведения осуществляется в рамках феминистической лингвистики, связанной также с именами Л. Пуш (Luise Pusch) [16], З. Трёмель-Плётц (Senta Trömel-Plötz) [22; 23] и мн. др. и ориентированной на выявление как взаимосвязи гендера и языка в целом, так и на установление эмпирических социально-экономических условий сугубо женского речевого поведения.

Стимулом к феминистическим исследованиям в языке стало открытие в XVII в. первобытных языков, в которых обнаружили мужские и женские варианты языка, а также обособленные мужские и женские языки, которые, по мнению многих учёных, отражали гендерную асимметрию. Так, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики

А.В. Кириллина в своей монографии «Гендер: лингвистические аспекты» говорит о неравноправном восприятии мужского и женского вариантов: «Общим для всех немногочисленных описаний гендерной вариативности было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский – как отклонение от него. Строго говоря, речь шла не о мужском и женском языках, а только о женских» [26]. Данное мнение разделяет профессор в области гендерных исследований и анализа языка Берлинского университета имени Гумбольдта А. Хорншейдт (Antje Hornscheidt), сравнивая мужскую речь с «неназванной, негендерной, общечеловеческой нормой» и утверждая, что с гендером, как правило, ассоциируется женское письмо и говорение: «*Dabei wird Gender in der Regel mit dem Sprechen und Schreiben von Frauen gleichgesetzt und Männer damit zur unbenannten, genderlosen, allgemeinhenschlichen Norm. Die Bestimmung von Gender als abweichend Weibliches ergibt sich jeweils aus der Feststellung einer Differenz zum als Norm gesetztem Männlichen*» [11. S. 226]. Со ссылкой на фундаментальный труд известного учёного О. Есперсена «Language: its Nature, Development and Origin» А. Хорншейдт утверждает, что ещё в 1923 г. датский лингвист «научно» отличает мужской и женский языки. При этом зачастую женские языки он описывает как отклонение от «неназванной (мужской) нормы»: «*Schon Jespersen hat 1923 Männer- von Frauensprachen «wissenschaftlich» unterschieden, wobei Frauensprachen in der Regel als eine Abweichung von einer unbenannten Norm dargestellt werden*» [11. S. 226]. Аналогично высказывается ещё один немецкий языковед А. Готтбургсен (Anja Gottburgsen) в своей книге «Stereotype Muster des sprachlichen Doing Gender (eine empirische Untersuchung)»: «*Dem Stereotyp weiblichen Kommunikationsverhalten werden als der Abweichung von der männlichen Standardvariante zahlreiche erklärende Merkmale zugeordnet. Im Unterschied dazu ist das männliche Sprachstereotyp als die Norm weniger beschreibungsbedürftig*» [8. S. 171].

Бесспорным является тот факт, что в основе взгляда на женский язык как отклонение от мужской нормы лежит меньшая значимость женского пола, т.е. патриархальность немецкой культуры. Обращение феминисток в 19 веке к исследованию женского образа, женских фигур речи привело к констатации факта практического отсутствия женских манифестаций в истории, в том числе лингвистического материала. Понятие женственности, образ женщины, согласно С. Бовеншен (Silvia Bovenschen) формулировались преимущественно из мужских описаний, ставших единственным источником этих представлений, то есть описывались как метафора или символ мужского воображения [1. С. 28].

Несмотря на то, что женский вариант в языке описывается многими учёными как отклонение от нормы (мужского варианта), совершенно очевидно, что главной особенностью феминистических исследований является противопоставление женского речевого поведения мужскому (подр. см.: [6; 11; 16; 17]). Обзор таких исследований показывает, что в них встречается фактически равноправное описание мужского и женского вариантов. Следовательно, это ставит под сомнение гипотезу о мужском языке как норме.

Так, например, исследуя языковые аспекты телевизионных дискуссий мужчин и женщин, одна из основательниц феминистической лингвистики в Германии З. Трёмель-Плётц (Senta Trömel-Plötz) делает следующие выводы (см.: [21. S. 125]).

1) Мужчины в отличие от женщин гораздо чаще являются инициаторами разговора и дольше говорят. При этом длительность мужского разговора зачастую прямо пропорциональна выражению их точки зрения и статуса.

2) Мужчины систематически перебивают женщин, осуществляя тем самым контроль над разговором. Женщины практически никогда не прерывают мужское высказывание. Кроме того, чаще всего мужчины самостоятельно решают, когда им необходимо закончить высказывание. Напротив, женщинам такая возможность предоставляется гораздо реже. Перебивая, мужчина сам определяет, достаточно ли высказалась его собеседница.

3) Женщина должна бороться за право участия в разговоре; должна постоянно удерживать мужское внимание к теме. Женщинам сложнее начать утверждение и быть услышанными. Во время выступления они задают много вопросов и зачастую сосредотачивают своё внимание на мужчинах. В связи с этим женщины ведут себя вежливее.

4) Мужчины определяют тему разговора, в то время как женщины поддерживают беседу, заданную мужчинами.

В целом приведённые выше умозаключения подтверждаются результатами многих эмпирических исследований, в частности, одним из экспериментов, проведённых учёным-лингвистом Х. Коттгофф (Helga Kothhoff) в университете г. Констанца, в ходе которого изучалось речевое поведение сту-

дентов в диалоге с преподавателем в процессе сравнительного анализа мужских и женских способов и видов аргументирования [13]. Причём, анализу в равной степени подвергаются противопоставляющиеся друг другу как женская, так и мужская речь.

Так, в рамках эксперимента студентам следовало объяснить преподавателю необходимость отмены установки камер наблюдения в библиотеке университета в связи с участвовавшей кражей книг, поскольку, по их мнению, это нарушает права и свободы учащихся. В свою очередь, преподаватель, согласно распределению ролей, должен был отказать студентам в подписи соответствующих документов.

Примером, демонстрирующим корректность первого вышеупомянутого вывода, сделанного З. Трёмель-Плётц, может служить следующая ситуация, в которой проявляются особенности речевого поведения лиц мужского и женского пола на начальном этапе разговора с преподавателем-мужчиной (здесь и далее см.: [13. S. 102-123]):

– **студент** сразу определяет тему и высказывает свою точку зрения: *«Guten Morgen, Herr Gruber, gut, dass ich Sie seh. Ich komm von der Fachschaft Litwiss wegen dieser Aktion...in der Bibliothek...»*;

– постоянно возвращается к собственным аргументам, побуждая преподавателя следовать им: *«Ich mein ich komm nicht nur vom Fachbereich Litwiss das ist abgesprochen auch mit AstA...»*, *«und sie haben doch sicherlich schon gehört davon dass da in der Biblio...»*; *«eh überlegen eh Videoanlagen aufzubauen und zu überwachen»*, *«eh sollten damit wir nicht noch mehr überwacht und bespitzelt werden...»* и т. д.;

– в свою очередь, **студентка** начинает беседу тихо, неразборчиво и неуверенно, что ведёт к возникновению информационных лакун, обозначенных в скрипте символом (...): *«(.....) zusammen (...)* ich war mal in Ihrem Seminar».

Третий пункт выводов З. Трёмель-Плётц о необходимости постоянной борьбы женщин за право участия в разговоре и их стремлении быть услышанными находит своё отражение в следующем эпизоде:

– **студентка** начинает беседу, упомянув о личном контакте с собеседником на семинаре: *«Ich war mal in Ihrem Seminar... ja...könn Sie sich gar nicht mehr erinnern vielleicht...(...)»*;

– в отведённое ей время для разговора чаще апеллирует к высказываниям доцента, а не к своим собственным:

С. (студентка): *damit sollen die Studenten überwacht werden...*

Д. (доцент): *ja nicht nur die Studenten.*

С.: *und ja alle Benutzer der Bibliothek.*

Д.: (перебивает) *die Dozenten betrifft das ja auch.*

С.: *ja natürlich* (улыбается) *auch klar* (улыбается) *dann geht Sie ja also um so mehr auch an, fühlen sich bestimmt auch betroffen...* и т.д.;

– постоянно пытается быть воспринятой преподавателем серьёзно;

– много времени тратит на создание позитивной атмосферы, лишь предлагая свою точку зрения для рассмотрения;

– ни разу не критикует преподавателя, постоянно соглашаясь с ним;

– в то же самое время **студент** в аналогичной ситуации ведёт себя с преподавателем на равных, т.е. открыто позволяет себе сомневаться в убедительности аргументов доцента: *«wir drehn uns glaub ich allmählich im Kreise in der Argumentation»*, *«sie treiben das also echt ins Uferlose im Gedankenspiel um das hier ablehnen zu können und ich find das ist...das geht nicht»*.

Беседа с преподавателем для студентов заканчивается отказом доцента от подписи надлежащих бумаг (как и было задумано в эксперименте), и здесь достаточно интересной представляются женская и мужская реакции на происходящее: **студент** покидает аудиторию, сухо попрощавшись (*«Wiedersehen»*), а **студентка** ведёт себя очень вежливо и несколько раз извиняется за то, что отвлекла преподавателя от работы. Обращает на себя внимание и тот факт, что доцент как мужчина заканчивает разговор с девушкой шуткой: *«Vielleicht wird trotzdem weniger geklaut»*. Она смеётся и соглашается с ним (*«ja, ja»*).

Следует особо подчеркнуть, что во время диалога со студенткой она была перебита преподавателем-мужчиной 6 раз, а студент – ни разу. Данное обстоятельство, по нашему мнению, наглядно подтверждает второй вывод З. Трёмель-Плётц о том, что мужчины пытаются осуществлять контроль над разговором, перебивая женщин.



Рис. Стереотипы мужского и женского речевых поведений

Как очевидно, такая полоролевая дифференциация в речевом поведении отражает существующие в обществе гендерные стереотипы. Базируясь на исследованиях З. Трёмель-Плётц и Х. Коттгофф, мы попытались обобщить данные о языковой специфике гендерной асимметрии, используя результаты, полученные в ходе исследования гендерных стереотипов немецким лингвогендерологом А. Готтбургсен (Anja Gottburgsen) (подр. см.: [8. S. 157-208]).

Учитывая интересующие нас аспекты, мы отобрали из зафиксированных А. Готтбургзен 97 параметров 14 релевантных показателей и составили диаграмму (см. рис.), при анализе которой нами были сформулированы некоторые положения, касающиеся гендерных стереотипов речевого поведения.

Так, в ходе интерпретации языкового материала обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от мужчин (35 % опрошенных) женщины (53 %) гораздо чаще употребляют вежливые формы, например, такие, как «*Danke*» и «*Bitte*» (параметр 11), а также в два раза больше извиняются (параметр 12 имеет соотношение 42 % к 21 %). Вместе с тем пункты 11 и 12 взаимосвязаны с принципом кооперации и нахождением компромисса (параметр 2), которые также более характерны для слабого пола (56 % женщин и 39 % мужчин).

На наш взгляд, параметры 2, 11 и 12 можно отнести к **стереотипу вежливости**. Сравнивая данные существующих в обществе стереотипов с вышеописанными результатами эмпирических исследований З. Трёмель-Плётц и Х. Коттгофф, становится совершенно очевидно, что вежливость является качеством, более присущим женщине.

В свою очередь, мужчины (52 %) больше связывают себя со **стереотипом доминирования** в разговоре (параметр 13). Однако немало женщин также приписывают доминирование к одним из своих главных качеств (39 %). На наш взгляд, такой высокий показатель данного свойства среди слабого пола указывает на существование полной эмансипации на современном этапе развития общества. Характерно также, что показатель 13 взаимосвязан с очередным критерием, отражающим определение темы в диалоге (параметр 14): 39 % женщин заявили, что они самостоятельно определяют тему разговора, в то время как среди мужчин этот показатель составил в итоге 51 %.

К стереотипу мужского доминирования можно также отнести следующий показатель силы и законности аргументирования (параметр 3). 52 % мужчин заявили, что в ходе диалога они обязательно подчёркивают силу собственной точки зрения. Напротив, большинство женщин (42 %), считают, что часто ослабляют свои утверждения (параметр 4), например, такими конструкциями, как «*das ist nur so eine Idee von mir*», «*Es scheint, dass...*», «*ich glaube...*», «*irgendwie*», «*oder so*», «*eigentlich*».

Наряду с этим женщины чаще мужчин сомневаются и задают вопросы (параметр 1) (49 % женщин и 36 % мужчин), внимательно выслушивают собеседника (параметр 8) (54 % женщин и 30 % мужчин), а также всегда поддерживают контакт глазами (6) (68 % женщин и 49 % мужчин). Все эти показатели также могут свидетельствовать о более слабой женской коммуникативной позиции в разговоре с мужчиной, а значит доказывать его доминирование в речевом акте.

Вполне очевидно, что мужское доминирование в разговоре среди всего прочего основывается на женской эмоциональности (параметр 9). Так, женщина, согласно сложившемуся стереотипу, в два раза эмоциональнее мужчины. Следствие такой эмоциональности – частые сомнения и страхи в борьбе за убедительность своих высказываний. Поэтому не удивительно, что в разговоре с мужчиной женщина чаще улыбается (параметр 7) для того, чтобы создать благоприятную для беседы атмосферу и «смягчить» более доминирующего и агрессивного (параметр 10) собеседника.

Особый интерес в контексте наших рассуждений представляет параметр, который А. Готтбургзен формулирует как «Сопровождение речи шуткой» (параметр 5). По данному показателю, в диалоге с противоположным полом мужчины шутят в два раза больше, чем женщины (47 % мужчин и 24 % женщин). В эксперименте «Студентка-преподаватель» доцент, как указывалось выше, также шутит в конце диалога со студенткой: «*Vielleicht wird trotzdem weniger geklaut*». На наш взгляд, шутки, с одной стороны, могут указывать на флирт между мужчиной и женщиной. С другой стороны, данный факт может свидетельствовать о несерьёзности восприятия женщины как партнёра в разговоре. Так, впоследствии доцент сообщает, что не отказался бы сходить со студенткой в кафе, но тем не менее её аргументы в ходе диалога выглядели слабо и неубедительно. В то же время стереотип склонности мужчин к шуткам может быть взаимосвязан со стереотипом мужского доминирования: мужчины шутят, так как чувствуют себя увереннее в разговоре с женщинами.

Таким образом, в данной статье на конкретных примерах было рассмотрено отражение гендера как социального конструкта в языке: проанализированы и сопоставлены выводы З. Трёмель-Плётц с результатами эмпирического исследования лингвиста Х. Коттгофф, рассмотрены мужские и женские стратегии речевого поведения, а также выявлено влияние гендерных стереотипов на реальное речевое поведение. При этом важно, что гендер отражается в языке и конструируется на всех языковых уровнях и невербально, создавая при этом отличия мужских и женских вариантов речевых поведений в языке.

На наш взгляд, главными отличительными особенностями женского и мужского вариантов языкового поведения являются всё же два ведущих параметра: женская вежливость и мужское доминирование в разговоре.

Вежливость женщин зачастую проявляется в поиске компромисса в диалоге с мужчиной, в её настрое на кооперацию в разговоре. Женщина также чаще использует вежливые формы и извиняется.

Мужское доминирование в беседе означает прежде всего, что мужчина чаще женщины определяет тему разговора, доминирует (например, перебивая женщину), часто шутит и подчёркивает силу своего убеждения. В свою очередь, женщине присущи характеристики, наличие которых доказывает обоснованность факта мужского доминирования. Так, женщина старается внимательно выслушать собеседника, сомневается в силе своих убеждений, задаёт вопросы, апеллирует к мужчине и его высказываниям, нуждается в поддержке контакта глазами, чаще улыбается, создавая позитивную атмосферу.

В целом можно было бы предположить, что мужское доминирование в разговоре является примером отражения патриархальности общества, традиционно приписывающего женскому полу меньшую социальную значимость. На наш взгляд, базируясь именно на данном мнении, ряд учёных рассматривает мужской вариант в качестве нормы, а женский – в качестве её отклонения. Однако эксперименты в рамках феминистической лингвистики и лингвогендерологии указывают на равнозначность обоих подразумеваемых вариантов.

Подводя итоги, необходимо упомянуть, что на современном этапе в языкознании определение языка, его выражение, а также всё то, что конструируется языком, связано с понятием гендера. Оба понятия *гендер* и *язык* кажутся взаимосвязанными и неотделимыми друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bovenschen S. Die imaginierte Weiblichkeit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1979. 279 S.
2. Butler J. Excitable Speech. New York: Routledge, 1997. 185 S.
3. Erzgräber U., Hirsch A. Sprache und Gewalt. Berlin: Spitz, 2001. 410 S.
4. Frank K. Sprachgewalt, Tübingen: Niemeyer, 1992. 169 S.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik, Bd. 3, London u.a., 1967. 358 S.
6. Gumperz J.J. Rethinking linguistic relativity // Studies in the social and cultural foundations 17, Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1999. S. 439-443
7. Glück H. Der Mythos von den Frauensprachen, Osnabrück: Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie 9, 1979. S. 60-95.
8. Gottburgsen A. «Stereotype Muster des sprachlichen Doing Gender (eine empirische Untersuchung)», Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH, 2000. 293 S.
9. Hellinger M. Kontrastive feministische Linguistik: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen, Ismaning: Hueber, 1990. 175 S.
10. Hof R. Die Grammatik der Geschlechter, Frankfurt a. M.: Campus-Verlag, 1995. 235 S.
11. Hornscheidt A. Sprache/Semiotik // Christina von Braun, Inge Stephan (Hrsg.) Gender@Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien, Köln: Böhlau Verlag GmbH&Cie, 2009. S. 220-238.
12. Hornscheidt L. Feministische W_orte: ein Lern-, Denk- und Handlungsbuch zu Sprache und Diskriminierung, Gender Studies und feministischer Linguistik, Frankfurt a. M.: Brandes & Apsel, 2012. 382 S.
13. Kotthoff H. Gewinnen oder verlieren? Beobachtungen zum Sprachverhalten von Frauen und Männern in argumentativen Dialogen an der Universität // S.Trömel-Plötz (Hrsg.) Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen, Wien: Milena, 2004. S. 102-123.
14. Kusterle K. Die Macht von Sprachformen: der Zusammenhang von Sprache, Denken und Genderwarnehmung, Frankfurt a. M.: Brandes & Apsel, 2011. 218 S.
15. Lehmann B. Rot ist nicht «rot» ist nicht rot: eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie. Tübingen: Narr, 1998. 377 S.
16. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache, Berlin: Suhrkamp Verlag: Auflage 14, 1984. 208 S.
17. Schönthal G. Feministische Linguistik – linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. (Germanistische Linguistik), Hildesheim/Zürich/New York: Olms, 1998. 356 S.
18. Schönthal G. Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik // Zeitschrift für Germanistische Linguistik, Band 17, Heft 3, Berlin, 2009. S. 296-314
19. Schramm H. Frauensprache – Männersprache: ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung, Frankfurt a. M.: Diesterweg, 1981. 119 S.
20. Thiel A. Das Geschlecht der Sprache: Frauensprache, Männersprache, Berlin: Technische Universität, 1995. 46 S.
21. Trabant J. Sprache denken: Positionen aktueller Sprachphilosophie, Frankfurt am Main: Fischer Gardner, 1995. S. 249-268.
22. Trömel-Plötz S. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen, Wien: Milena, 2004. 408 S.

23. Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung, München: Frauenoffensive, 2007. 220 S.
24. Venske R. Thesen zu einer feministischen Rhetorik // Rhetorik/Ein internationales Jahrbuch von Joachim Dyck, Band 4, Stuttgart: Frommann-holzboog, 1980. 258 S.
25. Whorf B.L. Language, thought, and reality, New York, 1956. 290 S.
26. Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты: монография. М., 2000. 155 с.

Поступила в редакцию 15.02.17

L.A. Kremer

ON THE PROBLEM OF INTERRELATION OF LANGUAGE AND GENDER

In recent times the phenomenon of gender increasingly arouse interest in linguistic research. Works within this area of research are based on stereotyped viewpoints about the manifestation of male and female in the language, but also on the presence of gender asymmetry, i.e., the disproportionate representation of social and cultural roles of both genders in various spheres of life. This article provides a brief overview of several theories of genderlinguistic nature and experiments on the German-speaking representatives of the modern feminist-oriented linguistics.

Keywords: gender, gender stereotypes, language, feminist linguistics, «male» and «female» languages.

Кремер Любовь Андреевна, аспирант
ФГБОУ ВО «Балтийский Федеральный Университет
имени Иммануила Канта»
236016, Россия, г. Калининград, ул. Невского 14
E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru

Kremer L.A., postgraduate student
Immanuel Kant Baltic Federal University
Nevskogo st. 14, Kaliningrad, Russia, 236016
E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru